ния. Судя по письму к Дмитриеву от апреля 1799 года, к этому времени близкие отношения уже закончились: «...в семи верстах от города, там, где я третьего года писал <...> стихи «К „верной“ давно неверной».[26]

Долгоруков в мемуарных записях характеризует Гагарину как одну из самых ярких фигур московского света: «Я с ней знаком был во время ее вдовства, и довольно коротко: она женщина смолоду взбалмошная и на всякую проказу готовая. Во время тесной связи ее с Карамзиным я не урежал к ней моими посещениями. Всех резвостей исчислить невозможно, какие она выдумывала для приятного провождения времени и на даче, то есть за городом, и в городском ее доме <...>. Я с ней часто игрывал на театре, на котором она затевала разные зрелища, единственно для того, чтобы привлечь к себе людей, и из одного чванства: впрочем, в этом искусстве она худо успевала. Я никогда не забуду оперы „Serva Padrona“ (Служанка-госпожа), которую мы с ней сам-друг разыграли на театре Шаховского под Донским. Хуже этого позорища едва ли кто видал что-нибудь на сцене. Княгиня не умела ни петь, ни играть, театр мог поместить до 150 человек, а мы роздали с ней 300 билетов; разумеется, что была страшная давка, шум, крик и всякое неустройство. Ее все это забавляло чрезвычайно. Знаменитый Карамзин преклонял перед ней колена и отражал на нее сияние своей славы».[27]

Долгоруков подчеркивает «взбалмошность» как основную черту характера Гагариной. Но в жизни этой светской дамы были также по-настоящему решительные поступки. Вместе с мужем, будучи беременной, она отправилась в польский поход и попала в плен к повстанцам; ей, однако, удалось бежать. Затем она первой из русских женщин в пору увлечений воздухоплавательными опытами поднялась в Москве на воздушном шаре.

Долгоруков, как и Карамзин, тоже посвящал Гагариной стихи: «Стихи мои под названием „Параше“ обращены были на ее лицо <...> суть памятник моего с ней знакомства и приятного провождения времени в ее кругу».[28] И в этой связи особо любопытно рукописное указание Долгорукова, что в этом стихотворении «имена выворочены» и что Селимена, а не Параша изображает в нем Гагарину. Во всяком случае данная помета дает основание рассматривать этот персонаж не в качестве обобщенного портрета суетной прелестницы, а связать его с конкретной женщиной, бывшей любовницей Карамзина.

Дополнительную черту к образу Гагариной дает и безадресное печатное примечание к стихотворению «Камин в Москве» о некоем самоубийце, по поводу чего «некоторые из приятелей <....> поговоря об этом, как о странном случае, сутки, на другие поехали на бал и плясали».[29] Рукописное замечание указывает, что речь идет о самоубийстве барона Спренгпортена, постоянного участника «круговенек» у Гагариной. В «Капище» Долгоруков описывает эту историю еще более ярко: «Мы, верные ее

[26] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 101.
[27] Капище. С. 153.
[28] Там же.
[29] Бытие сердца моего. Ч. 2. С. 182.